

Сергей Рыбкин
ВДАЛИ ОТ ЛЮДЕЙ

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2020

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5
Р93

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей*

Рыбкин С. Е.

Р93 Вдали от людей : сборник стихотворений /
С. Е. Рыбкин. – Воронеж : Издательский дом ВГУ,
2020. – 62 с.
ISBN 978-5-9273-2950-2

Сергей Рыбкин родился в 1995 году в Воронеже. Поэт. Финалист Всероссийского литературного фестиваля «Русские рифмы», Национальной премии по литературе, Всероссийского литературного форума им. Н. С. Гумилёва «Осиянное слово» (Москва, Переделкино, 2018), Всероссийского литературного конкурса «Зелёный листок» (Тверь, 2018). Печатался в журнале «Подъём», литературном альманахе «Балкон», газете «Мысли(!)», интернет-изданиях «Сетевая словесность» и «Прочтение». «Вдали от людей» – первая поэтическая книга Сергея Рыбкина.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5

ISBN 978-5-9273-2950-2

© Рыбкин С. Е., 2020
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2020

*как хорошо себя толкнуть
остановить на грани
о эта нежность эта жуть –
я ранен*

* * *

Вечерний чай – спокойная вода
стекло толочь на буквы и звуки
мы вышли в луг, блестящий как слюда –
деленье звёзд
на россыпи, на штуки
идёшь вперёд – до пояса трава
жужжат в песке растерянные осы
жужжанье ос похоже на слова –
предчувствие стихов светловолосых...

* * *

Молчи и помни, сдерживай поток,
Безумный мальчик, плачущий у окон,
Где только мгла сочится в потолок
И сединой поблёскивает локон.
Как будто нет и не было воды,
И ночь ещё не выбита дождями,
Космическое тело немоты
Прибито наспех к облаку гвоздями.
И только слышишь, как оно сквозит,
И не уснуть, и не отгородиться,

Сверканье звезд, как спаиванье плит,
И мышшь летучая, как птица.

* * *

Мы оттаяли к лету, но воздух пропарен и влажен.
Хочешь криком сорвать прошлогодний побег –
по сожжённой траве, рукавом зацепиться о сажу
и упасть в темноту, за которой начало строки.

Словно чёрная нитка натянута перед глазами,
это – смелость, которой учиться ещё и учи...
это точка, которую нам ещё не показали,
о которую мы опираясь, по буквам стучим.

За проход в никуда неизбежная плата, ты ранен –
хочешь музыку выдохнуть, дудочкой стать неземной,
и идёшь по земле с этой дудкой в нагрудном кармане,
говоря-говоря-говоря-говоря сам с собой.

УТРОМ ХОЛОДНО И СВЕТЛО

I

если снег – то конечно же хлопья
как ладони младенца чисты
мне всё ясно
и солнце взошло над окном
мой заваленный книгами дом
не оттаял не сжился с теплом
только пар над открывшимся ртом
обнаружит прохладу

я живу как и прежде один на один
с облаками спокойного сада
где мне места уже не найти

II

в октябре начался листопад
ветки словно ладони разжались
отпустили к земле огоньки

в самом деле деревья несут над собой
Пастернаково небо
и безумные ждут
когда сотни снежинок слетят
о земное тепло обжигаясь
пронесутся водой и застынут

мне по стёклам холодным ходить
то домашнюю взяв вертикаль
то речную дугу
опираясь
на застывшие всплески оттянутых волн
на которых держаться уже не могу

не-могу

* * *

дело только в листе –

не сорвать, а жалеть этот лист
если дерево снова искрится
издавая то шорох, то свист
от прекрасного не-бытия
мне наверное негде укрыться

столько женщин ушло от меня
в переплёты, в серьезные лица

так от жалости к злости
но лист ни при чем
и грачи улетели
можно я притворюсь одиноким плечом
среди ночи слепым чернотелым грачом
чтобы листья жалеть
будто их никогда до меня не жалели

раскачается лист неизбежно один
и сорвётся дрожащий и белый
белый парус летит от у-ста-ло-сти
прямым в непрерывное небо.

* * *

когда вдвоём и порознь – не мы
стоим в лесу проржавленном немом
как будто горизонт заштриховали
казалось что мы счастливы – потом
сбылось и больше не казалось
но всё это конечно трали-вали

на самом деле ты не божество
но ломтик неба взявшая однажды
ты стала так похожа на него
ты стала так похожа на него
нет я не повторяю это дважды

не хватит сил глаза опять открыть
увидеть ели жёлтые иголки
на полпути в обугленном лесу
где звёзды – серебристые заколки
в ладони к волосам твоим несу

и трёхэтажки крохотный уют
никем не узнаваемый снаружи
и хочется назад к нему шагнуть
великое волнение обнаружить

пока горит последнее окно
и желтизна сочится сквозь него
на твой балкон
бросается с балкона

и Господи всё видно хорошо
что слёзы так и просятся наружу
я тихое молчание нарушу
и снова простою перед тобой
как перекрёсток жизни этой
с какой-то неслучившейся другой.

ЛЮБВИ ИГОЛКА

I

трава уже мертва наполовину
тяжёлый воздух падает к ногам
блестит трава мертва наполовину
и ты уже мертва наполовину
ушла к несостоявшимся богам

на голосе и глоссе продержусь
молчанием и криком переполнен
о маленькое слово обожгусь
и я к тебе сегодня не вернусь
по звуковым и омертвевшим волнам

я падаю в поникшую траву
и сыплются на голову мне листья
я падаю в поникшую траву
в горячую и рыжую и лисью

но Господи жара уже сошла
и ночь на горло тьмою надавила
и ржавчина кругом и желтизна
склонённая над полем как строила

нам выстроили дом на берегу
осоковые лезвия и ленты
и от луны как будто бы в снегу
лежу и выжигаю сигареты

и нет тебя и нет тебя и нет
есть темнота похожая на глину
и холода благословленный свет
трава уже мертва наполовину
и ты уже мертва наполовину

и вовсе тебя нет

II

пере-боремся пере-трёмся
рассчитаемся по одному
в нашем доме и только в нём всё
завещается никому

снова ложка звенит в стакане
пахнет свежей заваркой стол
и водой в заржавелом кране
мы железо своё куём

заживают все наши раны
как собачьи среди пыли
и гудят наковальни-краны
и звенят и скрипят столы

это всё о воде и Ржеве
как о ржавчине и трубе
это нежно течёт железо
как слеза по твоей губе

ты кричишь – я молчанье слышу
ты молчание-крик-молчан...
словно слово язык не пишет
будто я это замолчал

замолчал – тишина и только
звонко окает привстаёт
на носочки любви иголка
и молчание издаёт

нет не кажется – смотришь в оба
и не слышится ничего
лишь вода и железо – злоба
от молчания твоего

* * *

А пока слепота, веки светятся так
как по осени листья
в чёрном небе блестят капли пота –
кристальная соль
и уже ничего удивительного в этих мыслях,
и не хочешь на боль, но закончишь на боль

повстречать мерзлоту и разжиться
на спичечный залп
словно больше огня не найти и не нужно как будто
так идёшь по асфальту в холодных и крупных слезах
к одинокому доброму вечному грунту

только здесь говорить и молчать на речные бока
когда поезд идет через лес – небо морщится, мнётся
словно всё в этом мире – железо, что рвёт облака
и никак в синеву не пробьётся

о великая дрожь, о прекрасная музыка дрожи
колесом к колесу одиночеств гудки-голоса
только грусть на лице
электричка грустна и похожа
на меня и тебя

я хожу каждый день на вокзал.

* * *

речь воды – это слитные слёзы
это крупные капли разжавшихся волн
так друг друга сбивают слепые стрекозы
когда полдень травой уже заговорён

солнце выпало в небо и на гамаке
раскачалось, лучами под ноги швырнуло
я морщину увидел в дрожащей строке
эту зрелость и злость стихотворного гула

как бы выпасть в траву, виноградом враспи
в эту вязку зеленую, сонную тяжесть
в эту часть обречённой на муки Земли
разделённую памятью-памятью на шесть

* * *

Рассеянный вызов, захочется в небо смотреть
и мглу пробивать, говорить о любви и о смерти,
как с воздухом голос вплетается в тьмы круговерть!
как рады в рядах пополнению твари и черти!
Не-ангел с трубой, говорящий о боли, об истине,
печальный дурак, обчасованный временем гость,
здесь ветер большой,
как мне малому нежному выстоять
и к небу нести свежих слов неподъёмную горсть?
О ласточках-ножницах, режущих воздух в полях,
грудной тесноте, густоте травянистого гула,
о том, чтобы жить, в трудовых застревая солях,
и не-навести на висок бесконечное дуло.

* * *

Ночь непроходима
для нелюдима
клубок не катится а кружится как юла
чернота словно стёклышко объектива
в память страхи перевела

так идти по молчанию
мелочью по земле
рассыпаться – быть непутёвым сыном
не для чего-то только фонарь в окне
кажется простолюдином

снова окна бегут по домам
и беззвучно за шторы встают
чтобы капли сдержать
чтобы снежную выдержать стружку
не нашлась ещё та
за ко-то-ру-ю
отказался б от девушки-раскладушки

только пар над высокою кружкой
и чай натошак
только книги объёмной тугая пружина
этой ночью шумы в голове верещат
и метафоры нежной промёрзла перина

я уже не лечу
если силы лететь не осталось
чернотой обрастать и от жажды великой звереть
и соломинки все коротки
и кольцо потерялось
но ещё продолжает звенеть.

* * *

виноватые мы в невинное небо отпустим глаза
даже если раздуется туча
даже если сорвутся усталые веки от капель дождя
даже если никто никого ничего не озвучит
нам бы только смотреть в неисправное небо
нам бы только болеть умирать и прозрачными
в небо ложиться
только где этот свет от которого слово крошится
только где этот звук от которого воздух толкать
из груди и молиться о том
что музыка опять состоится

а внизу чернота
а внизу пустота и разруха и стройка
ночь – кругом желтизна
день – морщинки людские на круглом лице
если небо моргает – глаза закрываются только
чтобы это не видеть
а мы?!
нам бы неба большую полосу
нам бы воздуха синего свежий глоток
если в небо идти
то искать божества перекрёсток
то сиренью ссыпаться –
лежать у божественных ног
и готовить строки разворот
приближаться к строке
и о нём говорить
о своём говорить на небесном его языке

* * *

Василию Нацентову

О поломанном лесе,
торчащем из пыльных окон,
о водке, товарище верном,
измятой сигарке –
берёзы как свечи потухшие
возле икон,
а наши стихи –
как коллекционные марки.

Вскипает вечерний
сиреневый суп и
льётся в усталый вагон,
мы голодны
до перестуков
в пустом животе,
покурим –
и на остановке
останется кашель из слов
и путь к оголённой и ждущей нас там
немоте.

* * *

Идти по раскошенным плитам бетонным узлам
до первой ближайшей развилки
как будто в четверг перекрёсток тебя четвертует
это тело легло на носилки
и его понесли над землёй
показали гниющим углам
показали побитым домам
за тебя голосуют
две синицы и голубь в обмен
на стекло недопитых бутылок
на распоротый взгляд восхищения
мета-родства
ты ещё не сайдак для холодных могил
ты не хворост ещё для печи и костра

только яростный гул в голове и заточены искры
только лезвия-кисточки красят бумаги листы
столько окон чужих над глазами твоими повисли
словно в тёмной воде серебристые тонут кресты

и тебя донесли
положили на лавку в запойном дворе –
под тобою окурки блевота густые приплёвки
поднимаешь глаза – проплывает бельё по земле
на протянутой вдаль самолетом верёвке
пролежать до ночи на холодной древесной решётке
дожидаясь свечей и горячего воздуха-воска
положить на глаза две разжавшихся

лунных монетки

завтра рано вставать
перекрёсток с тобой
перекрёсток.

* * *

ругаться матом чтобы отлегло
волнение горячее грудное
как этот воздух солнцем пропекло
какая тень плетётся за тобою
здесь кто-то был на этом островке
реликтовом, из вечности сигналил –
завесил небо шторкой на окне
и звёзды словно колышки расставил
так каждый раз – всмотреться в темноту
я не могу
по очертаньям света
глаза определяют высоту
далёкого оставленного лета

* * *

речь развернулась улиткой, воды языком
холодоскоп перекрёстка зашкалил и сбил
я разглядел эту ночь как синяк под огнём
чуть приоткрытых светил

взвинченный выдох и грохот дыхания – клёк!
снова звенят светлячки-колокольчики-грушки
сколько же шума озоновый контур сберёт
перед тобою и мной безоружный

снова кружить эти зёрна в солому, кричи –
не накричишься в заброшенном полюсе грубом
выстриг и я это поле как с солнца лучи
и разбросал наобум и на убыль

голову в небо, а тело висит над землей
это стекло ни одна еще тварь не пробила
влёгкую. Господи, ты резонанс речевой
незавершённого мира

* * *

Если листья летят, значит я не хочу умирать,
значит можно холодному ветру гудеть между линий,
электричка ушла и согнулась дугой – не разжать,
только грусть на лице,
и роса над землёю поднимет

всё, что было сухим и незримым, земля не земля,
а зелёная вязка нагнулась от тяги и влаги,
и не будет дождя,
нет, не будет дождя,
будут слёзы лежать на бумаге.

Будет жить карандаш
невесомый и мягкий, парить над столом,
пока нежные окна дрожат и боятся сквозницу,
только смерть волосами спускается с белых голов,
до графитовых рук проползает по новой странице,

может, это ещё ничего,
только листья взлетели,
только листья летят и качаются,
падают ниц,
как слепые слетевшие с неба качели,

я – ребёнок на них.
я – сорвавшийся лист.

* * *

Строчкой леса заштопанный край, вдали от людей
живёшь, подуваешь в дуду, вызываешь созвучья,
ты сам же вода, но притягиваешься к воде,
как будто тебя обуздало веление щучье.

Выходишь к реке, от промоин – журчанье и хруст,
срывается снег с камышей, тебе кажется — чайка,
и в клюве её золотистый прикушен подуст,
густая вода закачалась, как кресло-качалка.

Вот так и живёшь, ради качки и взмаха крыла,
измеряя на глаз траекторию птичьего взлёта,
даже если мне жизнь показалась — совру, что была
только здесь, и, наверное, значила что-то.

* * *

Проторена почва прорвавшейся зеленцой,
мы – руки за спины – бескрылые птицы,
мы повторены и сомкнуты в движенье-кольцо,
как велосипедные спицы.

Вылавливать ветер, пытаться его заземлить,
держаться от силы примкнувшего слова,
себя самого у печали твоей отпросить,
как ученика с урока из школы.

Прожить ещё год, оглянуться, сорваться с земли
и вылететь в синюю форточку телепортала,
за прошлым, как жили, как землю в ногах берегли,
ты той же травой эту почву к полёту толкала.

Случилась и будущность – шар совершил кувырок,
цветами раздёргана слепожарная рощица,
я высадил сад, чтобы воздух был ярок, широк –
держал тебя там на весу – босоногую лётчицу.

Какая теперь непогода на небе ледовом,
взметнувшийся ввысь наболевшего взгляда овал,
мне воздух весенний покажется снова знакомым –
он каждый твой шаг повторял.

ОТКРЫТАЯ ФОРТОЧКА

I

Открытая форточка
воздухом горьким дышать
сжигают траву
мне мешать не дано
а гореть предстоит за холмом
на чудном перевале без воздуха
небо кругом – и небо кругом
нарисовано небо
на белом листе мягкотелом на вид
карандаш не болит
и не пишет на месте пустом
свет у окон стоит
и метёт под окно прошлогоднее солнце
лежавшее под уцелевшим кленовым листом
мы сажали берёзу
на старом дворе у навеса и будки
в которой собаке не жить
мы открыли глаза и надели весенние куртки
будем Богу служить.

II

Я иду и мне кажется — это работа — идти
заусенцем на свежей коре
зеленеть багроветь и расти
разобраться с доской и балансом
это буква
которую можно спасти
если слово представить
и знать про него наперёд
пока яблоко не упадёт
и слова не расставит в пространстве
и холодные сочные звуки вдохнёт
и вручит языку.

* * *

Если стук топора – то сухие валить для костра,
Чтобы трескались угли и жар нагоняли,
Эта звёздная стая зонтов над башкою остра,
Словно стрелами небо на прочность огни проверяли.

Не опустится на воду первый сорвавшийся лист,
Только осени мы на живом пустыре и искали,
Ничего, что огонь под грудной моей клеткой скалист,
Под твоей же грудной – ещё искры любви не стреляли.

Словно дождь не пошёл, а завис в тишине голубой,
Так слова мои держатся в воздухе, бьются и рвутся,
Сколько нежности в этом безумии над головой
Ты смогла пропустить и легко от огня отвернуться.

* * *

К нам на дорогу выпало гнездо,
рассыпан свет на пятна и длинноты,
я измеряю каждую черту на глаз,
растянутая мысль длиною в годы
бежит вперёд – опережая нас.

Меня здесь нет – ты бросишься на тени
деревьев и прерывистой травы,
как нас с тобою окна проглядели,
раскрытые по контуру страны.

Прижмусь к траве щекой и продержусь
до послезавтра, выкопаю скважин
на небе, словно лунок рыбака,

и ничего, что мне ещё так страшно
искать и звать тебя издалека.

* * *

Тишина становится крохотной
и недостижимой,
а шаги тяжелее и громче — зажёваны,
тесноту создают непредвиденные зажимы,
так, что локти не успевают толкать
в обе стороны.

Не люблю.

Я поставленный крестик на поле боя,
или обыкновенной лужайки
ромашек, полыни и лебеды,

тучи небо мглою кроют,
как понятые моей беды.

Золотистый, злободневный, зол, зола
сожжённой травы, вчерашнего лета прореха,
твой расколотый голос утих, ты сошла
с этих мест в обличии света и снега.

* * *

Окно в пыли,
цветы живут одни
на блюдцах,
подоконника ступенька
выходит в серый снег
и тихий свет,
и я лежу, растянутый как свитер
на полкровати,
вмятый в простыню,
горяч и розов,
хрустальный воздух
в комнату затянут,
и комната светлей, но тяжелей
становится —

во мне рождалось слово.

* * *

только вывих плеча и толчок о плечо
на ногах не держаться
но всё же идти в никуда
где по пояс трава и вода
начинает слоняться от берега к берегу
выше и дальше
за серым и пыльным тобой
не умеющим жить и смеяться
чтобы вместе звенеть
то мелодией странной то мукой
говорить о любви
со сверчком о любви
кратким словом и точечным звуком
чтобы жизнь простоять
чтобы смерть продержаться
до встречи
год за годом идёт
вывих плеч – толкотня – только плечи

* * *

синие окна верят и тлеют
костерками ночными горят
и крадут тишину
выпить чай и гудеть ангелком
золотистым ночным
расчертить глубину
этой комнаты горькой и тёплой как дым
загустевший во рту
пустоту продлевать
но не верить уже никому
только точка упрямого зрения
сможет дойти до конца
отскочить от стены и
вернуться обратно ко лбу
создавая рисунок лица
только лампа томится в углу
только книги обложка блестит
на альбомном листе
как в январском снегу
умирает за старым столом
я устал не бояться
белый лист и простой карандаш
словно хлеб с молоком
помогают держать эту жизнь
и держаться
пока на плаву

* * *

дерево поил с ведра
слово — голо-лово-ломка
плавит кольца свитера
солнца корковая кромка
воробей – и вор и воин
звон рассыпанный в траву
синеокий взгляд промоин
слёзы сохнут на ветру
я себя не берегу
я спасаю храм последний
я на белом берегу
умираю как бессмертный
в талом мартовском снегу
сосны ткнули небо — сильно
пыль плотна и холодна
неба вспылчивые крылья
гладь пером иссечена
дом закрыт на три двери
и оценен в три рубля

Небо, сжался и прости
постучавшихся в тебя.

* * *

вдвоём и нескончаемо вдвоём
и мягкий луг под нами и над нами
чирикает пространство воробьём
глаза ночные стали угольками

и вымазали нас проходит час
и мы слились со временем понятны
слова травы и птиц теперь для нас
и ясны звёзд серебряные пятна

в сирени необъятного холста
глаза искали правды и повтора
себя самих летела мошек свора
под долгое молчание моста

и гасли фонари и ночь чернела
мелькали руки тёплые – огни
изломанного нами чистотела
на грани окончания земли

* * *

пульс дождя практически неуловим
стёкла сползают на́ пол к твоим ногам
время ползёт по шторе – и я за ним
к небу
хочу узнать что не здесь – а там

на высоте широте долготе
вдали
и от тебя и от всякого шума
врозь
с берегом чёрного моря сырой земли
с островом белого снега июльских звёзд

хочется снега летнего
нежных холодных рук
солнце зашторить разом
в комнате свет зажечь
выпустить долгим эхом в окна тяжёлый звук
и темноту как глыбу скинуть с горячих плеч

* * *

сигарета настольная лампа угол горячий
стола и железная кружка
дымлю
Седакова
как молитва
в запой от неё без следа уходящий
я курю и люблю
и одно не принять без другого

на десятом последнем и всё подытожившем – глухо
не покой а затишье внутри –
и тревога на страже
Александр Сергеевич выставил бледное ухо
и лежит как ступень
между словом двоящимся нашим

будто чёрным углём закидали коробку с пейзажем
с пустотой тет-а-тет говорить беспристрастно и голо
Седакова и я – мы любовь одинаково скажем –
прохрипим сквозь одно
пережатое нежностью горло

пепел сух как песок
сигарета измучена смята
дым молочный въедается в новую чёрную строчку
Седакова молчит
я пишу и пишу безоглядно
о тебе – и не знаю где ставить проклятую точку.

* * *

Крыло ресничье на твоём глазу
скрывает слёзы радости ли, горя?
И взгляд летит вверху или внизу –
он суши жаждет или жаждет моря?

Прекрасна ты, трагична и скромна
и агрессивна – в то, в любое, в это.
Сама себе верна, себе вольна –
как щебетанье утреннего света.

Тянусь к тебе по музыке шагов,
плетусь к тебе по снегу, по морозу,
привычное прилесье у домов,
сугробы, заплетающие в косы

следы, следы – то кошек, то дворняг,
то человека, лыжника, ребёнка,
и где-то громыхает товарняк,
и носится по станции позёмка.

В несвязной речи слов не разобрать.
я добреду, ведомый жаждой чуда
к тебе, чтобы на край любовный встать
и без раздумий сброситься оттуда.

* * *

Так прикасался месяц к году,
и вздрагивали дни тогда.
Мы время пили словно воду
из чаши нашего окна.

Журчала Лета в струйке дыма,
а дым был жертвой проходной.
И я курил, и ты курила,
запараллеленная мной.

На высоте, на той высотке –
Казалось, на небе уже,
Мы жгли распаренные глотки,
Теряясь в полувитраже.

Волос летели снегопады.
На дно глазное месяц пал.
И верил я, не зная правды,
что небо в губы целовал.

* * *

Ладонь выхватывает снег
из снегопада,
а снег летит не по своей вине,
и всё земное – мелочь, но преграда,
и город стал как человек,
запутавшийся в простыне.
Земля, как девочка влюблённая, слепа,
не видит рук горячих, из которых
тяжёлая сыпается крупа
оттаявшего снега, свет и шорох.

И руки ждут, что кто-нибудь придёт –
что ты придёшь с преподношением крова,
ворона переключивает лёд,
и этим стуком Бог мне подаёт
за всю тебя божественное слово.

* * *

как будто любовь, как будто
ты уехала к крымскому морю – и за тобой
протянулся надломленный виадук
я лопатой гребу пропасть памяти
и это единственное тепло до солёного пота

мне нравится быть нелюбимым тобой
гремящей ракушками синей реки
когда руки – кольца разомкнутые стали
ты взвинчена ввысь
и только сонные светляки
копируют небо на грешной нашей земле

* * *

Серьёзен и страшен,
закручен в тугую спираль,
идёшь по квадратам раскачанной плитки,
воруешь окно за окном –
целый город в карманах собрал,
но форточки нет среди них,
нараспашку открытой.

Забитые глухо,
закрытые шторкой льняной
от взгляда, болтливое шума,
тумана и дыма,

по старому городу,
музыкой
бредишь одной –
сестрой окрылённого серафима.

Весна не весна,
а дышать и длиннее, и шире
ворованным воздухом
мягким и тёплым уже,

смотреть на окно,
на закрытое пламя квартиры
на слишком высоком,
на пятом твоём этаже.

* * *

Как страшно жить, когда ты в наготе,
в распахнутом окне под сквозняками,
и ночь рисует солнце в темноте
чернилами густыми.

Ходят сами
по комнате предметы, говорят
о завтрашнем полёте, о вчерашнем
падении, и лампочки горят
над миром,

 путеводными не ставши.
Мне дышится прерывно и внатяг,
чужие люди шепчутся у окон,
влюблённые над городом летят
и выют из яблонь яблоневого кокона.
Но сколько их, летящих надо мной,
сцепившихся и спрятанных на крышах?
Любовь стучит, как будто домовою...
Я ничего не слышу.

* * *

Всё хорошо. За книгами окно,
подтаявшее сверху – дождь расплёскан,
о ветку оступается крыло,
и воробей летит, подобно звездам,
и падает на крышу. Ты молчишь,
молчание расходится на вздохи,
бумага зашуршала, как камыш,
и пролегла под выгнутые строки.
И ты не скажешь больше ничего,
услышу стук и пропишу на память
про воробья и дождь, и про окно,
умеющее сдерживать и таять.

* * *

Зевает крыша, вороны ворчат,
у звука в основании беззвучье,
когда глотаешь воздуха снаряд
и трескаются легкие, как сучья.

Заигрывает ночь сама с собой
и кланяется в пол иконостасу,
клянёшься, что не удержишь за спиной
в молчание закутанную фразу.

Вдали по коридорам темноты
разбросаны уходы в повороты;
слеза течет по горлу немоты
и капает в густые небосводы.

БАБУШКА

Валентине Рыбкиной

I

На крылатой странице
застывшая клякса
похожая на хризантему
и жёлтая ветка
с дубовыми листьями
к смерти готова
ты слово
ты слово
короткое нежное слово
твердящее – дождь
слетевшее каплей
с Эдема.

На корке мигающих листьев
хрустящих и смелых
мороза стекло настороженно
и ежевато
и кто-то обводит
упавшее жёлтое белым
я не виноват
и ты в этом не виновата.

Слетаешь крупинкой
небесная милая кроха
без усталости – гул
по застланным листьями дням
ты осень
ты шорох
идуций в обличии Бога
по полупустым
готовым к зиме желудям.

II

Летящим снегом тянешься ко мне.
Две бабочки в глазах черны и рады –
им чуждо оставаться на земле –
им вылетать и липнуть к снегопаду.

Слезой окоченелой выпадать
я буду, переехавший границу,
из черноты осенней в благодать
твоих высот, как из села в столицу.

И будет снег протяжен и белёс.
Я ухвачусь за краешек хрустальный
и перекрашу ночь в цвета берёз –
верну её к борьбе первоначальной.

Замкнётся круг, как ободок руля.
Куда ни поверни – лежит под снегом
ни в чём не виноватая земля,
как я с тобой, сроднившаяся с небом.

III

Крупчатый снег, ссыпающийся с крыши,
замученная снегом, вся в снегу,
ты замерла, ты выгнулась в дугу
от ветра,
во дворе железо дышит
скрипучим ртом.

Я не усну,
упершись в строки,
услышу, как мы одиноки
от хлопьев снежных за окном,
и будешь ты в окне метаться,
истосковавшись прорываться
ко мне безумным сквозняком.

* * *

Голос хорный рассыпан в траве,
речка тянется в мыслей отток,
продевая подобно игле
ворох звуков, бежит голосок.

Это слово и слёзы, в руке
сигарета, прощание, трата.
Сделал вдох – и ползёт по щеке
виноватый дымок витиеватый.

Будет так: обнаружишь его
и уйдёшь с одиночеством в ссылку,
где упрямо и грубо – черно
упирается небо в бутылку.

* * *

Железный робкий мимо нас
трамвай
и улиц крест
и крик ладони
ближе
и пальцы невесомей
птичьих стай
и ими управляет
кто-то свыше

я слышу как
стрижи срывают пух
с корней
ползущих к небу
ветка
вата
горячий день
опередил – потух
и ночь как покрывало
нами смята

тропа трава и Волга
ветер и
точёный щебень
от речных камней
впивается нам в спины
гладь реки
и мы легли
и поравнялись с ней

шумит камыш
и гнётся
гнётся ива
в руках тяжёлых ветра
смерти нет
и вечность проплывает
струйкой дыма
остывших
одиноких
сигарет.

* * *

колючие шорохи в городе
течения ветра скрещены
земля – отражение облака
и листья срываются вниз

автобус сонлив от бессонницы
трусцой добегают до должного
и двери как руки в бессилии
разжав, выдыхает людей

внезапною каплей подстрелены
скрываются головы в чёрные
мозаики крыш и опущены
к спешащим тяжёлым ногам

часы не упрямы не прокляты
холодная жизнь в невесомости
из губ и костров выпускается
молочный дымок сентября.

* * *

если крылья берут высоту, то рукам –
чернозёмная горстка и горизонталь,
снова чайник кричит, и вода поднимается к нам –
говорит: «выключай!»

выключаю, но крик заглушить не могу,
и стихи неподъёмными гирями стали,
выйду в поле, травы пожелтевшей нарву,
вспомню, как мы с тобой на весеннем лугу
белый клевер любви собирали.

ты очнёшься в холодном и страшном поту
от внезапного чистого тока,
и сквозь страшной и сонной ночи слепоту
ты услышишь бурчание листьев в саду –
просыпайся, моя лежебока.

* * *

Оголтелые крылья лесные
шумят от ветра,
трескаются от жары,

егеря притаились и ждут
звука горькой наживы,

словно гвоздики в плоть,
наживляются в них комары –
горячи, голодны, значит – живы.

Это майский пропаренный воздух
все липнет к лицу,
его хочешь толкнуть и ускорить,
но не удаётся,
проходя по траве, набираешь в ботинки пыльцу,
веселишь желторотое солнце.

Непрерывный откос,
в гору путь затяжной,
где бы крылья найти в околесице,

гибкий лес отвернулся упрямой дугой,
поднимаю глаза к высоте голубой –
Бог спускает воздушную лестницу.

* * *

Какое одиночество – кормить птиц
в центральном парке на стыке улиц,
где только листья летят, как блиц,
как страшно осенью караулить
асфальт блестящий, скрипящий шаг,
мельканье ног в тротуарных клетках,
и, тёплой книгой в руках шурша,
перекликаться с листвой на ветках.

Легко и грустно как никогда,
сидишь бездомным и просишь милость,
и всюду в цвет серебра вода,
и речь молчанием претворилась,
как будто ангелы сняли трубки,
сложили в спичечные коробки,
а мне курить, поджимая губы,
и вместо музыки – огоньки.

* * *

Василию Нацентову

пишу о светлячке
и сливе
о мятом воздухе и дыме
о Федоровском
и Шишкове

тяжёлым выдохом
и сильным
в скользящем
уличном зажиме
ты помаши мне

рукой и словом
мотыльком
и летом раненым
и ранним

вальяжным синим
пиджаком
и выступленьем крайним

на языке ежа и птицы
на непонятном
и густом

дай руку мне
моя синица
дай руку мне
моя синица

не говори
но будь молчаньем
не улетай
но птицей будь
идём по улице печальной
двуглавы и необычайны
и дышим словом
только словом
пытаясь смерть перешагнуть.

* * *

Говорить-говорить-говорить,
по осеннему городу вместе,
натянуть эту первую тонкую нить
друг от друга идти в полуметре,
словно можно и это ещё изменить.

Полустанок – воронежский шёпот,
двух безумных теней перехлест,
только смех и нечаянный хохот,
и душа словно ваза для слёз.

Двух себя проживать, разрываться
и спастись – то нежен, то груб,
как способно лицо изменяться
от движения губ.

Ещё листья летят,
ещё шапки в карманах
и куртки без тёплого меха –

мы идём, мы идём невпопад
в ожидании снега.

* * *

От приплюснутых листьев,
 рассыпанных в нашем саду,
до сиреневых дуг облаков и небесных обмылков –
я речь поднимаю и к небу за руку веду
до первой ближайшей развилки.

Её отпущу и застыну, как лёд в ноябре,
гербарием под ещё целым настольным стеклом,
пробившийся луч – только будущность тянет к земле,
и небо осенней водой ещё не протекло.

Вернуться назад в одинокое страшное «вот»,
где листья в саду пересушены, как сухофрукты,
и варят из них прошлогодний домашний компот
две бабушки (бабочки) – не умирали как будто.

Всё реже и мельче живу – обернулся назад
и сил не хватает вернуться обратно,
но мама зовёт и «Серёня» кричит через сад,
чтоб вместе идти в неизбежно холодное завтра.

СОДЕРЖАНИЕ

«Вечерний чай – спокойная вода...»	5
«Молчи и помни, сдерживай поток...»	6
«Мы оттаяли к лету, но воздух пропарен и влажен...»	7
Утром холодно и светло	8
«дело только в листе...»	10
«когда вдвоём и порознь – не мы...»	11
Любви иголка	12
«А пока слепота, веки светятся так...»	14
«речь воды – это слитные слёзы...»	15
«Рассеянный вызов, захочется в небо смотреть...»	16
«Ночь непроходима...»	17
«виноватые мы в невинное небо отпустим глаза...»	18
«О поломанном лесе...»	19
«Идти по раскошенным плитам бетонным узлам...»	20
«ругаться матом чтобы отлегло...»	21
«речь развернулась улиткой, воды языком...»	22
«Если листья летят, значит я не хочу умирать...»	23
«Строчкой леса заштопанный край, вдали от людей...»	24
«Проторена почва прорвавшейся зеленкой...»	25
Открытая форточка	26
«Если стук топора – то сухие валить для костра...»	28
«К нам на дорогу выпало гнездо...»	29
«Тишина становится крохотной...»	30
«Окно в пыли...»	31
«только вывих плеча и толчок о плечо...»	32
«синие окна верят и тлеют...»	33
«дерево поил с ведра...»	34
«вдвоём и нескончаемо вдвоём...»	35
«пульс дождя практически неуловим...»	36
«сигарета настольная лампа угол горячий...»	37
«Крыло ресничке на твоём глазу...»	38

«Так прикасался месяц к году...»	39
«Ладонь выхватывает снег...»	40
«как будто любовь, как будто...».....	41
«Серьёзен и страшен...»	42
«Как страшно жить, когда ты в наготе...»	43
«Всё хорошо. За книгами окно...»	44
«Зевают крыша, вороны ворчат...»	45
Бабушка	46
«Голос хорный рассыпан в траве...»	49
«Железный робкий мимо нас...»	50
«колючие шорохи в городе...»	52
«если крылья берут высоту, то рукам...»	53
«Оголтелые крылья лесные...»	54
«Какое одиночество – кормить птиц...»	55
«пишу о светлячке...».....	56
«Говорить-говорить-говорить...»	58
«От приплюснутых листьев...»	59

Литературно-художественное издание

Рыбкин Сергей Евгеньевич

ВДАЛИ ОТ ЛЮДЕЙ

Сборник стихотворений

Редактор *В. В. Сафонова*

Компьютерная верстка *К. П. Пенского*

Подписано в печать 29.01.2020. Формат 84×108/32.

Уч.-изд. л. 2,2. Усл. п. л. 3,3. Тираж 300. Заказ 744

Издательский дом ВГУ

394018 Воронеж пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ

394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3